

НАДГРОБИЕ ДЛЯ ЖИВЫХ

Черненко Никита

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Никита Черненко
Надгробие для живых

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Черненко Н. А.

Надгробие для живых / Н. А. Черненко — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Прошло больше двухсот лет после начала глобального похолодания. На земле двадцать пятый век, население планеты укрылось либо в подземных бункерах, либо под солнечными куполами - городами на поверхности, обогреваемыми древними технологиями предков. Люди уже и не знают, как выглядела Земля до начала оледенения, да это и не так важно, когда новый мир таит в себе множество опасностей. Эта история была написана одним из охотников. Людей, которые не боятся покинуть стен города и периодически выходят на поля в поисках дичи. И всё бы продолжалось в том же духе, если бы Сэм - охотник, недавно вышедший из академии, - не встретил выжившего из бункера. Содержит нецензурную брань.

Содержание

День 1	13
День 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

– Давай аккуратнее! Он ещё может быть где-то рядом, не спугнуть бы.

Кас бесшумно ступал по снежному покрову в своих мягких ботинках, держа оружие наготове. Мы уже третий день гонялись по всем охотничьим территориям за этим прыгуном, но каждый раз, когда он оказывался в ловушке, что-то мешало нам, и прыгун стремительно использовал момент замешательства. От этого Кас постоянно бесился: ему нравилась охота, но когда она превращалась в затяжную погоню, он, громко сопя, нахлобучивал шапку себе на лоб, хмурил густые брови и часто, непонятно для чего, проверял количество аккумуляторов для винтовки, которую использовал только в случае опасности. На добычу он тратил патроны древней фамильной винтовки, ставшей у них реликвией. Я даже не пытался вспомнить, как она правильно называется.

– Он должен быть за этим пригорком, – прошептал Кас и замедлил шаг, теперь он словно плыл по холодному воздуху. Когда он поднял голову выше, по его телу прошла судорога, а губы задрожали от нарастающего бешенства.

Прыгун неподвижно лежал посреди поляны с покрытой инеем травой. На его белой с серыми пятнами шерсти отчётливо виднелись капли крови и пара порезов. Морда, данная ему от какого-то другого зверя, которого сейчас и не найти нигде, кроме как в книгах, оставленных со Старой Истории, тоже была заляпана. В детстве я мог часами пожирать глазами образы зверей в книгах, пытаюсь придумать, кто и как мог себя вести при жизни, и кто сейчас стал чьим-то прообразом. Так, например, в морде прыгуна было что-то заячье, только она была короче и более сплюснутой, напоминая собой камень с пластмассовыми замершими глазами.

– Когда она только успела здесь вырасти! – Кас вертел в руках карту, стараясь понять, где точно мы находимся. – Ну точно! Поляна оруженосцев должна быть около реки, а мы ещё вчера от неё ушли.

– Может, тут давно никто не появлялся, потому и данных не было? – я смотрел на серебристую траву, ища в голове хоть одну причину столь неожиданного появления этой травы так далеко от реки.

«Бритволистые щипцы», или, как их называли охотники «травя-оруженосец» – это ещё одна Новоисторическая шутка, ставшая неожиданностью для многих. Её вечно покрытые инеем стебли имели пренеприятное свойство реагировать на любое резкое движение, да так, что могли с лёгкостью перерезать сухожилия. Вскоре после таких обнаружений ботинки стали иногда укреплять стальными пластинками, защищающими особо важные точки, но за эту защиту охотник платил бесшумностью и проворностью, какую имели обычные ботинки, предпочитаемые опытными охотниками. Новички же всегда носили эти источники шума на ногах, из-за чего отношение к ещё неокрепшим добытчикам было пренебрежительное.

Кас и ко мне относился с долей брезгливости, но то ли его удовлетворяло то, что я не задавал лишних вопросов и старался не шуметь, то ли он был доволен моими небольшими успехами. В один из этих успехов можно было записать тот факт, что я до сих пор жив.

– Что будем делать? – спросил я, так как побоялся, что Кас слишком долго молчит. Он сделал вид, что не расслышал моего вопроса и начал рассуждать вслух:

– Можно попробовать вытащить его оттуда, или оставить на удобрение оруженосцам... Но тогда придётся ещё полнедели заниматься поиском новых следов, а там надеяться, что не наткнёмся на стаю, скажем, пятихвостов. Что думаешь? – он впервые спросил моё мнение. На Каса это не особо походило.

– Я мог бы вынести прыгуна оттуда. С ботинками это не так страшно, – от собственных слов у меня побежали мурашки по спине. Что не страшно, это я, наверное, слегка приврал.

– Этот прыгун килограмм под восемьдесят весит, если внешне судить! Если не удержишь и сам за них свалишься, то я не смогу объяснить совету, как ты умудрился лицо располосовать, если вообще жив останешься.

– Да, но еда закончится быстрее, чем мы найдём другого.

– Я всё ещё не имею права подвергать тебя опасности без необходимости! За твои решения отвечать придётся мне.

– А за голодающие семьи отвечать нам обоим, – с этими словами я заскользил вниз по склону.

– Только не говори потом, что я тебя не предупреждал!

– И не собирался.

Я наступил на серебристый ковёр и он мгновенно отвердел под ногами, послышался напряжённый шелест, опасно схожий с предостерегающим перешёптыванием. Стальные подошвы цеплялись за стебли, как за колючую проволоку, однако то, что я не услышал стук о пластины, означало успешность затеянной мной же авантюры. Смотря под ноги, я мысленно гадал над тем, сколько ещё шагов нужно сделать, чтобы дойти до тела прыгуна. Можно было посмотреть, но я боялся хоть на миг отвлечься от щипцов. Кас, судя по молчанию, тоже был на нервах.

Наконец я увидел на проглядывающем снегу красные пятна и немного приподнял голову. Прыгун, уже остывший и опавший, лежал на траве, и под ним шло непрекращающееся копошение. Оруженосцы пытались пробиться на свет, прорубая себе путь сквозь мясо, орошая себя кровью, становящейся для них подкормкой. Я постарался встать так, чтобы было удобно поднимать тушу, согнул ноги в коленях и начал медленно взваливать животное на себя. Трава цеплялась за рёбра, хваталась за каждый неудачно свисающий лоскут, а потом, когда хвататься стало не за что, начала от досады со свистом резать воздух. Я отчётливо ощущал на себе напряжённый взгляд Каса, но потом пространство сотряс громкий хлопок, будто пространство вокруг зажали в пакете, а затем лопнули его. Мне слишком хорошо был знаком этот хлопок, издаваемый оружием Старой Истории, чтобы его с чем-то спутать. И действительно: Кас прямо на холме пытался справиться в рукопашном бою с пятихвостом особо крупных размеров.

Пятихвост был для меня первым, кого я не мог сравнить с кем-нибудь из животных вымершей фауны. Возможно, для этого требовалась книга посерьёзнее фермерского альманаха, но альтернатив не существовало. У него был роскошный пушистый хвост, на конце делящийся на пять кисточек, с чем-то наподобие жала, особо острых у молодых особей. Его сильные и массивные задние лапы выглядели неказисто-большими на фоне чуть менее больших передних, одарённых закруглёнными когтями, легко проникающими под кожу. Хищно вытянутая волосатая морда с постоянно открытой пастью то и дело лязгала зубами в воздухе, разливая вокруг мутновато-серую слюну, которая, попадая в рану, вызывала отёк, периодические боли, и галлюцинации.

Я машинально рванулся на помощь, но не успел опомниться, как от ботинок раздался слабый лязг. На спине, мешая достать оружие, всё ещё свисал прыгун, скидывать которого я не собирался, поэтому я достал нож и выписал солидный разрез на боку животного, дабы кровь привлекла внимание пятихвоста.

И это сработало. Вероятно, он был не только очень голоден, но и заодно абсолютно нетерпелив, потому бросил идею убить Каса и в два прыжка оказался рядом с травой. Услышав шелест, он начал медленно двигаться мне на встречу, безопасно ступая по щипцам. Голодный, а умный, зараза, значит, давно охотится возле травы. Оставалась надежда на Каса.

Только я об этом подумал, как слабый красноватый лазер врезался в спину пятихвоста и подпалил ему шерсть, из-за чего тот машинально дёрнулся и заскулил. Кас же начал громко ругаться на снег, попавший в отсек аккумулятора. Но пятихвоста это уже не волновало и он разбежался, игнорируя порезы на лапах. Увернуться от его натиска мне помешал висящий прыгун, я свалился с ног, проклиная и благодаря одновременно прыгуна за прикрытие спины, однако ноги тут же порезало до ляжек, что ещё больше взбудоражило пятихвоста. Уже окончательно обезумев, он кинулся на меня, стремясь перегрызть шею, но я вовремя подставил руку, стараясь не думать о том, что он легко может и её разорвать. Потом прогремел выстрел, хватка

ослабла и пятихвост безжизненно повалился на меня, придавливая тело ближе к траве, и без того ожидающей добавки с ног. Я только сейчас заметил, что сердце колотится, как бешеное.

– Сэм!

– Я жив, жив! – я свалил с себя пятихвоста, под которым тут же зашевелилась трава, и начал медленно вставать. – Только вот ноги...

– Порезали? Выбирайся оттуда, я сейчас спущусь.

– А ты говорил, что добычи не осталось! – мне почему-то хотелось рассмеяться, но из-за сбитого дыхания вышло только улыбнуться.

– Это тебе не шутки, он нас обоих почти достал. В снегу выпавшем отдышал, сука. – Кас аккуратно наступал на траву, взвалив обе свои винтовки на ремень. – С прыгуном ты хорошо придумал. Ещё чуть-чуть, и он мог добраться до меня.

– Укусов нет?

– Ты это у меня спрашиваешь? Не меня он повалил. Руку лучше покажи.

Я показал ему руку, которой закрывался от зубов пятихвоста. Рукав куртки взял на себя основной удар, но под ней всё же виднелись кровавые капельки. Только бы этот не был из тех, у которых слюна ещё и зуд вызывает!

– Вроде бинтовать не надо. Пошли.

– Бритволист резать будем?

– Нет времени и сил. Да и хватает его сейчас. Мы свою норму выполнили.

– Наконец-то!

– Рано радуешься, мы через две недели опять выходим.

– С таким графиком можно и по городу соскучиться.

– Ну уж нет, по Гринману я никогда не заскучаю.

Гринман был одним из тех мест Леднистых Холмов, где температура воздуха доходила до плюсовых. Часть жителей круглосуточно вертелась вокруг солнечного купола – технологии, данной нам предками Старой Истории. Они давно готовились к тому, что всё вокруг превратится в морозные земли. Проблема в том, что они не ожидали новых животных и растений. Хотя до сих пор бродят слухи, что часть этих людей укрылась в огромных городах-бункерах, со своими солнцами, и живут там, под землей. Но этими байками только детей развлекать.

– Как думаешь, Кас, пришёл кто-нибудь?

– А какая разница? Если пришёл, то скорее всего мы его увидим на полях или на охоте. Другого не дано.

– Вдруг строитель?

– Редко сейчас строители по холмам бродят. С момента восстания в Смогстоуне, строители стали скорее новым предметом роскоши. Мне кажется, если покажешь, что можешь сделать стул, в особо бедствующих городах тебе дадут местечко под солнцем!

– Это ведь бесполезно.

– Я не в прямом смысле. Это вроде устойчивым выражением называется. Мне прадед говорил, что ему отец рассказывал, как иногда люди называли вещи не своими именами.

– Ну и нахрена?

– Глупые были. Оттого Старая История и закончилась. Люди были слишком глупыми, и в итоге все передохли.

– А если нет? Помнишь, в позапрошлом месяце приходил какой-то псих, рассказывал, что знает, где эти люди ещё остались.

– Он, может, ещё и из бункера вылез? Нечего в такой бред верить, особенно охотнику, Сэм. Ты ещё начни верить в сказки, что на юге нет снега, и живут там не прыгуны!

– Так ведь...

– Сэм! Ты и сам должен понимать, что это байки оптимистов. Не маленький уже, чтобы в такой идиотизм верить.

Я не ответил ему и уставился на пейзаж. На многие мили вокруг картина не менялась: заледеневшая земля, покрытая снегом почти на четверть ноги, сквозь которую иногда пробивалась трава серого цвета – каменные шипы. От каменного в них ничего не было, просто это была та из немногих вещей, которая никак тебе не угрожала. Справа в небо упирался лес: вечно зелёные хвойные, вперемешку с обветшалыми или развалившимися домами, в которых и сейчас можно найти что-то полезное вроде металлолома и прочего. Охотники туда не ходят, так как охотиться на животных в лесу стоит лишь тогда, когда дома никто не ждёт. Да и не все обученные для выживания в лесу возвращаются в город, особенно это касается, естественно, новичков.

Уже где-то отдалённо слышался шелест первой контрольной точки и перевалочного пункта на пути в Гринман – реки с очень быстрым течением, помогающим ей не оледенеть до конца. Мы почти всегда делали тут привал, потому как пятихвостов отпугивало столько шума. Ночные хищники предпочитали корозубов в лесу, а лунатики обычно стекались к городам, считая костры недостаточно заманчивыми. Хотя, помню, и такое случалось. Кас именно на этот счёт и держит запасную винтовку. На островке, делящем устье реки на два брода, пристроилась небольшая хижина из кирпичей, с покосившимся входом и дырявой крышей из ржавых листов металла, грохочущих от любого дуновения ветра, и запасом дров внутри.

Пока я занимался костром, Кас повесил туши, чтобы из них вытекла вся кровь, положил оружие сушиться на камне, и скрылся внутри, чтобы приготовить одно спальное место и сделать засечку. К тому моменту, когда он подошёл к костру и устало сел на землю, я уже поставил на разогрев ужин и набрал воды для кипячения.

– Рука в порядке? – спросил меня Кас, уткнувшись глазами в лазерную винтовку. Он спрашивал меня скорее из вежливости, а не потому, что боялся за моё состояние.

– Болит слегка, – я посмотрел на следы зубов. Могло быть гораздо хуже, но всё же не стоит тратить удачу на такие мелочи.

– Противоядие брал на всякий случай?

– Конечно! Андерсон мне про него напомнил раз двадцать.

– И правильно сделал. Намажешь, если хуже станет. К закату надеюсь быть в Гринмане.

– Разве? Не налегке ведь будем, без привала не обойтись.

– Знаю... – Кас посмотрел на туши зверей. – Как думаешь, Чарльз сильно обидится, если я им бошки поотрублю?

– Не думаю. Но и поменяет это мало.

– Ошибаешься. Мозги у прыгуна весят достаточно, а полезного в них ничего нет. Тащить будет проще.

– Как скажешь... – Кас уже достал нож, но затем посмотрел на размеры зверей, перевёл взгляд на лезвие, воткнул его обратно в ножны и вздохнул.

– Больше мороки только. И Ведьма мне самому голову снесёт, если так сделаю.

– Почему Ведьма?

– Потому что старая, сухая, злая, и вечно горбится над котлом.

Ведьмой Кас называл Маргарет, одну из поварих в столовой для охотников и скаутов. Иногда в ней чисто случайно мог затесаться фермер или какой-нибудь жандарм, но если первые обычно ели то, что вырастили, то вторые ели прямо на работе, сидя на посту или обходя рынки.

– Кто первым дежурит? – Кас смотрел на пляску прозрачных языков пламени, держа свою реликвию на коленях.

– Давай ты.

– Тогда иди, разбужу ближе к часу.

– Почему не в полночь?

– Потому что если ты опять уснёшь из-за недосыпа, лучше от этого никому не станет.

Штаны пока подлатай, там есть пара лоскутов кожи, – надо же, а я уже и забыл, что у меня

порезы на ногах. К счастью, порезы травы немногим больше, чем порезы от листа бумаги. Но тем не менее, воздух задувало противно.

Я вошёл в хижину, машинально зажёл керосиновую лампу и упал на лежак. Картина ветхой комнатухи с земляным полом, потрескавшимися кирпичами и затхлым воздухом навела на меня какое-то странное чувство, будто каждый раз, ночуя тут, я возвращался домой. От этого по груди разбредался чуть уловимый поток тепла, для которого, возможно, когда-нибудь даже существовало название.

Пока я отдыхал и чинил штаны, Кас успел перестроить костёр, убрав все угли к центру и завалив их толстыми поленьями, чтобы уменьшить пламя. Всё-таки он был из бывалых охотников, и темноты не только не боялся, но и плевал на всех её обитателей. Хотя он и ненавидел приходящий с закатом холод, весь сжимался, как будто уменьшаясь в размерах. А потом, когда я сменял его, он будто бы через силу, цепляясь онемевшими пальцами за курок, отдавал одну винтовку и медленно уходил спать, но постоянно ворочался, ворчал, а пару раз вскакивал на ноги и буквально силой заставлял меня ложиться обратно, продолжая дежурство за меня. После этого он обычно был полностью измотан, и времени на отдых днём уходило в разы больше.

Перед глазами плавали узоры. Очевидно, я спал недостаточно глубоко, а потому на краю сознания что-то смутно улавливалось, что-то необъяснимое, непонятное настолько, что стоит только подумать об этом, как между лопаток начинали бежать мурашки. Это непонимание пугало меня ещё больше: страх неизвестности плотно заседал в горле, а оттуда расходился по всему телу. Помню, как у меня колотилось сердце на первой охоте, когда Кас позволил мне выстрелить, а я даже не ожидал, что убивать может быть так страшно. Пусть сначала это и было тяжело, но четыре следующих дня я улыбался до ушей, будто мне подарили самую лучшую штуковину в мире! Впрочем, резкая эйфория скоро выветрилась, любая стычка со зверем стала рутиной, хотя происходящие инциденты всё ещё будоражили, будто всё повторялось заново, и я опять учусь убивать.

Пересменку Кас принял молча. Возле тушек на тарелке лежал приготовленный буй – рыба со специфическим зеленоватым мясом и химическим послевкусием, если дать ей остыть. Однако повторное нагревание убирало все эти недостатки. Закончив с ночным перекусом, я понял, что ночь будет действительно долгой. Может, стоит ещё вздремнуть прямо здесь? Хотя чёрт с ним! Винтовку на колени и вперёд.

Я слышал, что раньше ночное небо сияло почти так же светло, как и днём. Что его освещали сотни и тысячи звёзд, ярко разливалась сиянием Луна, бледно-розово подсвеченная сегодня на фоне тьмы. И всё же, мне нравилось наблюдать за этим изрядно поскучевшим полотном, фантазировать о том, как выглядело небо задолго до моего рождения и как раньше за ним наблюдали специальные люди с их... Как же та штука называется? Надо же, опять забыл. И ведь название такое простое.

Вдалеке послышался протяжный свист, оповещающий округу о том, что очередной хищник поймал свою добычу, предупреждая желающих помешать трапезе. Радовало лишь то, что свист звучал далеко, в паре миль от нас.

Глаза снова упали куда-то на линию горизонта. Там, на юге, возможно всё иначе, чем у нас здесь. Жаль, узнать об этом никогда не выйдет: никто так и не добрался до юга, мешал и огромный лес, и сам факт неизвестности и непонимания того, кто может там жить. Можно было бы построить корабль на западном берегу, но этому мешал вставший давно лёд. Так бы я может записался в команду, к примеру... А кто вообще есть на корабле кроме капитана?

Раздался второй свист, уже намного ближе, будто бы с того берега, откуда мы сегодня пришли. По спине забегали нервные импульсы, руки застыли в напряжении, как и дыхание. Глаза шарили по тёмной стене, даже моргать я старался реже, чем нужно. Винтовка ощутимо давила на колени, я выпрямился и уставил прицел по направлению свиста. Лишь спустя несколько

секунд мне пришла в голову мысль стащить из костра относительно яркую головёшку и бросить по направлению предполагаемой угрозы. На земле были следы... но я ходил к реке в другую сторону!

Сердце ушло в пятки, мне критически не хватало света, на горло давила паника, голос пропал вовсе. Я мысленно надеялся, что Кас как всегда плохо спал и умолял его наконец-то выйти из дома. Вот бы он прямо сейчас аккуратно, не шаркая ботинками, раздвинул своей древней винтовкой мой ещё более древний страх темноты. Вдруг в костре треснуло полено, которое я закинул пару минут, и от неожиданности палец соскочил на курок, раздался еле отчетливый «щёлк» и... выстрела не последовало. Она была или выключена, или разряжена, в любом случае требовался разогрев. В голове промелькнула лишь одна мысль:

«Нож!»

Только я хотел вскинуть винтовку на плечо, как на него упала рука. Думать было некогда, я схватил оружие за цевье и использовал его вместо дубины, вмазав прикладом по мягкому телу. Послышался сдавленный вдох, я использовал инициативу и развернулся на пятках, уже готовясь вынуть все внутренности из нападавшего.

– Стой! – только и успел я услышать шёпот.

Лезвие лежало на горле мужчины, близкого по возрасту к Касу, с гладко выбритым лицом, слегка наглыми зелёными глазами и растрёпанными чёрными волосами. Странно, но его одежда не походила ни на одну знакомую мне форму. Может, у кого-то обновление дизайнера? Или лунатик, хотя тогда это скорее были бы тряпки.

– Вы ведь охотники, правда? – прошептал гость с таким видом, будто был уверен в своей безопасности. Откуда он знал, что я здесь не один? Он что, следил за нами?!

– Я здесь один, – я, неизвестно зачем, тоже шептал. Позвать Каса мне даже в голову не пришло.

– Охотники не ходят поодиночке. Мне нужно добраться до города. Моя семья...

– Какая ещё семья?

– Они застряли на полях. Мне нужна помощь, чтобы привести их в безопасное место, а ещё у меня важные новости.

– Что за новости?

– Я не могу сейчас рассказать, я должен добраться до города как можно скорее!

– Откуда я знаю, что ты говоришь правду?

– А для чего мне врать?

– Откуда мне знать! Может, ты рейдер?

– Если бы я и был рейдером, то давно уже тебя пристрелил. Просто доверься мне.

– Отлично ты придумал, Мне за такое доверие кожу могут снять!

– Замечу, что не требую, а всего лишь прошу. Просто прими решение: убей меня и живи дальше в своей холодной могиле, которую называешь родным миром, или скажи мне, куда идти и убедишься, когда вернёшься в город, что я тебе не врал!

Убивать мне его не хотелось, всё-таки я охотник, а не убийца. Однако говорить ему дорогу в город тоже не хотелось. И всё же, то ли я был слишком доверчив, то ли у него был такой вид, то ли я вообще не хотел разбираться с этим всем и с радостью пустил бы всё на самотёк.

Я убрал нож обратно в потайной отсек на рукаве, который сам приделал к нему.

– Тебе нужно на север. Если будешь идти всю ночь, то к полудню будешь на месте.

– Спасибо. Большое спасибо, парень! Я постараюсь найти тебя, когда вы вернётесь, – он встал, отряхнул ноги от снега и распахнул руки по карманам.

– А чем ты собрался от хищников отбиваться? – я заметил, что у него не было ничего при себе, чем можно бы защитить себя. – Руками и удачей?

– Нет, ногами и отпугивателем, – мужчина улынулся и вытащил из кармана что-то, похожее на длинный свисток.

– Что это?

– Расскажу, когда доберусь до города. Удачи вам... и кстати, я бы у пятихвоста снял когти. Они поострее твоего ножа будут.

– Давай вали, пока я не передумал.

Он ничего не ответил и ушёл в темноту, из которой вышел. Оказывается, даже такая мелочь вызывала у меня дрожь по телу, переходящую в усталость, косящую обратно к костру. Винтовка сама свалилась с плеча и упала на землю, но меня это не волновало: воздуха опять не хватало. Такое чувство, будто я не занимался допросом бродяги, а несколько часов висел над бездонным обрывом. И это было удивительно в купе с фактом, что днём мне грозила куда большая опасность, на которую я и то не так бурно реагировал. Видимо, всё дело в привычке. Одно дело сражаться с животными, у которых нет тактики, а одни инстинкты, а совсем другое – люди, которые как специально обладают своими индивидуальными приёмами.

Наверное, я накручивал самого себя. Больше всего верилось в то, что если бы он и хотел меня убить, то не подходил ради этого вплотную, а взял оружие вместо своего «отпугивателя». И откуда такие только берутся!

В городах, как оказалось, жили далеко не все люди. Был тот процент несчастных, которые не успели в своё время поймать оповещение от близлежащего купола, а потому остались в своих домах. Многие из-за этого замёрзли, некоторых убили мародёры, кого-то наверняка растерзали староисторические животные, а те некоторые, что хорошо адаптировались к новым условиям, оставляли дома и отправлялись на поиски нового дома для себя и своих семей. Кому-то везло, и по пути они даже никого не теряли, сбивались в группы и добирались до своей цели. Остальным везло меньше, и в лучшем случае они умирали, а чуть позже, когда природа начала изменяться, сами становились новым видом хищников – лунатиками. Вообще их какое-то время ставили наравне с зомби из книжек, но вскоре стало ясно, что это совершенно другое. Они хитрее, сильнее, выносливее, умеют говорить, а некоторые пародируют себя же в прошлом, и живут в заброшенных домах, и только им известно, что в это время с ними творится. Может, они представляют, что ничего не изменилось, бродят по выдуманным квартирам, или им вовсе чудится собственное прошлое, ставшее их проклятьем. Даже врагу я бы не пожелал стать лунатиком. К нам как-то раз один такой забрёл, когда я только начал покидать стены Гринмана. Его образ хорошо мне врезался в память: коричневая от грязи куртка, через которую местами виднелось тощее, постоянно содрогающееся от судорог тело. На голове всё ещё оставалось пара ключев седых, жидких волос, один глаз казался стеклянно-мутным, а второй постоянно бродил от меня к Касу, который заранее знал, с кем мы встретились. Лунатик не выдержал, когда Кас спросил, как его зовут. Он что-то булькнул в ответ, прыгнул на меня через костёр, да так в него и свалился. И хоть ему уже был конец, Кас добил его, а потом подобрал гильзу и, качая головой, сказал: «Блин, патрон жалко. Надо попробовать порох сделать». Тогда я сначала спросил, что такое порох, а затем, получив ответ, спросил, зачем тогда было стрелять, если патроны жалко. Он бурчал будто самому себе, что мучительной смерти не заслужил никто, будь то животное, лунатик или человек. Смерть, по его мнению, должна приходиться стремительно и так же стремительно уходить вместе с твоей жизнью на тот свет. Я хотел ещё узнать, что это за «тот свет» и где он находится, но я посмотрел на вытаскивающего из костра труп Каса, и понял, что он не ответит. Мне кажется, я так и не понял: стремительная смерть, конечно, дело хорошее, но зачем добивать того, кто уже мёртв? Можно было всего-то подождать, пока не перестанет дёргаться...

Голова и тело пришли в порядок, я поднял с земли винтовку, переставил аккумулятор заново, чтобы когда мне снова понадобится выстрелить, подобных осечек не случалось. Ночь уже давно перешла в раннее, ещё не светлое утро: бледная луна клонилась к горизонту, и мне казалось, что я видел оранжевые лучи солнца. Но то было лишь ведением. Оно уже больше двух сотен лет не радовало жёлтым светом, из-за чего даже безоблачным днём в полдень всё

выглядело серым, будто это одна большая шутка какого-то психопата, исказившего весь мир и сделавшего его заново из бетона. Впрочем, и в безжизненном сером тоне отслеживалось что-то очаровательное... Забавно, что человек даже на рассвете Новой Истории готов думать о прекрасном. Наверное, тяжело думать о том, чего в мире ужасно мало, особенно когда любой твой день может стать последним.

День 1

Я стоял на холме повыше, недалеко от нашей с Касом стоянки. Пока ещё было время и возможность, не стоит пропускать рассвет.

На бледно-голубом небе, отдалённо чем-то напоминавшем ледяную поверхность на озере, всплывало солнце. Матово-белый кусочек света, стараясь не опаздывать, медленно проглядывал сквозь верхушки деревьев, дул ещё по ночному пронизывающий холодом ветер, обжигающий не спрятанное под повязку лицо. Я держал винтовку перед собой и ждал, когда можно будет из своей глупой прихоти провести ритуал, какой я совершал на каждой вылазке. Тем более, проблем с подзарядкой не возникало: аккумулятор заряжался в любом куполе.

Наконец бледное светило показалось на треть, я прицелился в стекляшку, заменяющую коллиматор, и нажал на курок. Послышался треск электроники, жужжание катушек и вот еле заметная полоска света летит прямо на солнце: мощность я всё равно ставил минимальную. Я не знал, может ли этот пучок и впрямь долететь до звезды, или же ослабеет на этом долгом пути и растворится в холодных пучинах, а, может, я этим своим выстрелом заставляю солнце светить немного ярче. Эта неизвестность поднимала меня раньше обычного в один из дней. Удостоверившись, что солнце не собирается гаснуть, я пошёл обратно. Кас должен был встать с минуты на минуту. Так всегда и случалось: как только я собирался заняться завтраком, Кас выходил на свет, мрачный, но бодрый. Во всяком случае, сегодня так казалось.

– Ночью что-нибудь слышно было? – Кас спросил об этом безучастно, скорее из вежливости. Он знал, что я отвечу.

– Нет.

– А с кем шептался? Сам с собой?

Что меня не переставало удивлять, так это его манера делать абсолютно пустое лицо в любой ситуации. Кас мог хрипеть после длительного марш-броска, падать без сил на снег, когда уверен, что можно отдохнуть, но потом крепко вставал на ноги, унимая дрожь, и совершенно не изображал хоть что-то. И сейчас не читалось ничего, кроме желания пожать.

– Так ты слышал?

– Вас бы и глухой услышал.

– А почему не вмешался?

– Ты и сам справился, разве нет? Если бы не ты зарядил ему по животу, а он тебе, тогда ещё можно подумать.

– С чего ты взял, что я ему зарядил?

– Ты бы помощь позвал.

А вот это было обидно.

– Он мог меня убить, знаешь ли.

– Как будто ты не знаешь, кто мы. Нас кто угодно может убить, и беспокоиться насчёт какого-то бродяги с твоей стороны глупо. Вчерашний пятихвост тебя, кажется, не так сильно впечатлил... Ладно, проехали. Сворачиваемся через двадцать минут и идём быстрее, чем обычно, чтобы к вечеру быть в Гринмане. Если бродяга доберётся до города, то наверняка поднимется шум. Тем более что с диких земель давно не появлялись мирно настроенные гости.

– Расселились уже.

– Вот и я думаю. Пятое поколение охотников сменилось, а идут откуда-то.

– А может того, с рощи?

Кас лишь отрицательно покачал головой. Он был из тех, кто больше верил в возможность потепления, чем в то, что за рощами на севере тоже живут люди. Я и сам не верю в разумную жизнь за этой стеной деревьев, но ведь откуда-то прут новые лица?

Через двадцать минут, как и было запланировано, мы погрузили добычу на сани и двинулись по направлению к Гринману. Дорога обещала быть долгой и безопасной (тропы постоянно зачищали сквайры), но Кас всё равно держал оружие в быстром доступе, дабы отвести степь от соблазна подкинуть какой-нибудь сюрприз. Он охотился здесь больше десяти лет, начиная, как и я, в этом возрасте, но про его учителя я особо ничего не знал, только то, что умер он не по своей воле. А сам Кас вряд ли расскажет что-то из прошлого, мне на самом деле и без разницы, что там было до меня, да и незачем старые болячки расчёсывать. Единственное, что я знал про него и его семью, – это то, что у них есть реликвия в виде этой винтовки, которая была вроде как трофеем. Кстати...

– Кас, а как твоя винтовка точно называется? Я опять забыл, – оружие – это единственная тема, о которой Кас рассуждал с удовольствием.

– Ли-Энфилд. Его сделали ещё задолго до начала Новой Истории, а потому и храню я его с особым усердием. Правда, этот вроде не такой, какой должен быть.

– Почему?

– Ну смотри. Цевьё у него полимерное, а не деревянное, как у оригинала. Оно более износостойкое и лёгкое. Приклад с резиновым тыльником, чтобы плечо не так болело... но зато прицел не кустарный, а оригинальный, снайперский! Жаль, глушитель себя отжил. С ним бы приятнее было, конечно. И звук бы округу не поднимал на уши, и огненный шар не слепил... Вот вроде древнее оружие, а надёжнее всяких лазеров!

– Да, только мясо повреждает.

– А лазер, думаешь, нет? Он дырку побольше делает, да ещё и поджарить до хруста может, если не разрежет. Лазер хорош тем, что ресурс у него больше, да и другое оружие обычно пылилось на полках, как антиквариат, а следовательно, уже давно сгнило.

– Сгнило?

– Разрушилось. Ну, вот ты видел дома возле леса?

– Там одни стены же!

– В глубине встречаются состоянием получше. Это раньше были дома, но из-за того, что никто за ними не следил, они начали рушиться. Вот и за оружием следить надо, а то оно сгниёт.

– А что, трупы не гниют?

– Трупы разлагаются... Ещё иногда говорят, что человек гнилой. Но это тоже староречивый маразм. Сегодня гнильё сбивается в рейдерские шайки или идёт на корм пятихвостам. Но если коротко, то такой человек тебя за железку ржавую продаст со всеми потрохами.

– Как? Какая цена может быть за человека?

– Не забывай, это образно. Ещё, помню, встретил один раз лунатика, утверждающего, что пару тысяч лет назад людей за деньги продавали, как вещи какие-нибудь. Якобы они делились на людей и людской ресурс. Похоже, он был совсем сумасшедшим.

– Может, прошлое вспомнил.

– Они не люди, чтобы вспоминать прошлое. Их просто нужно избавить от мучений и подарить заслуженный покой.

– Зачем же они тогда пытаются заговорить с нами, если больше не люди?

– Они не понимают, для чего это нужно, но делают, потому что так добыча может стать не такой тяжёлой. Кажется, для этого даже название есть...

– А вот отец говорил, что лунатиков ещё можно вернуть. Просто мы не пытались, а на самом деле они пытаются заговорить с нами, чтобы снова ощутить себя людьми.

– Сэм, ты прекрасно знаешь, что твой отец сошёл с ума. Я бы на твоём месте выбросил это всё из головы, иначе когда-нибудь ты рискуешь закончить, как и он, – после этого Кас изменился в лице, на секунду задумался и продолжил вертеть головой. Так он показывал, что разговор окончен.

Кас был ровесником моему отцу, но только дороги у них были разные: Кас стал охотником, а мой папа – скаутом. Однажды он выбрался с группой в лес, но вернулся уже один, таща на плечах тело изувеченного разведчика. Говорил, что выжил лишь потому, что бросил оружие: его потащил за собой лунатик. Мол, три дня что-то говорил, заставлял слушать, а потом отпустил. Естественно, никто ему не поверил. Совет его изгнал, а Кас был одним из председателей, то есть тоже выносил вердикт. Думаю, Кас ещё и потому постоянно берёт меня с собой, что ощущает свою вину в моей жизни без единственного выжившего родителя, хотя не виню ни его, ни весь совет в целом. Решение было, наверное, правильным, пусть и поспешным.

Ближе к обеду мы сделали привал. По дороге в город шёл ещё один след, заметно заметнённый за ночь. Но форма целых ботинок не оставляла сомнений, что это человек, а не лунатик.

– Что думаешь? – спросил я, надеясь, что Каса это заинтересует.

– Думаю, что твой новый знакомый движется на удивление шустро для бедствующего.

Он наверняка уже в городе.

– Нам не стоит поторопиться?

– Зачем? – Кас сбросил мешок с плеча и сел на стоящий здесь же пень. – Он же один. Значит, даже при особом желании не сможет что-нибудь натворить. Его «семья» в одном дне пути.

– А вдруг он...

– Хорошо, если тебя это так волнует, через десять минут пойдём дальше. Мы делаем привал чтобы были силы на случай неожиданности, а не просто перекусить. Шли бы полдня без перерыва, ты и в голову себе не попадёшь при желании.

Кас был осторожен. Даже слишком. Обычно, такая осмотрительность приходит к старости, а он продумывает вещи до таких мелочей, что даже странно. Возможно, во мне играл излишний дух авантюризма, но было не так просто успокоиться, доверившись опыту Каса, наверняка не раз попадавшего здесь в истории, из-за которых эта осторожность и появилась. Но не насторожить это просто не могло: значит, есть ещё, кого бояться.

Следующую часть пути мы прошли молча. Кас искал новые следы или кучки снега, где мог закопаться одинокий роевик, но кроме полосы следов ночного гостя больше ничего не было. Солнце медленно опускалось с неба, склоняясь к горизонту, еды хватало ещё на один день, а меня всё меньше выбивала мысль о том, что может натворить этот человек, если окажется рейдером. Хотя я и знал, что в случае чего, совесть загрызёт меня заживо. Единственное, что настораживало сильнее этих мыслей, – это поляна со следами недавней трапезы, единственным указанием на которую была лужа впитавшейся в снег крови.

– Тело утащили, – Кас нахмурился. – Видишь, лапы глубоко входят? А здесь вообще на брюхо припал, чтобы кочку преодолеть.

– Роевик, может? – он поморщился.

– Роевики тащат добычу только если есть логово, а так тут бы и закопался. На лунатика точно не похоже. Возможно, пятихвост... а может и егерь так далеко из лесу вышел.

– Убили же егеря!

– Убили. А только где гарантия, что он один там был?

Егерь стал настоящей легендой, скауты его боялись, как полубога, охотники и того сильнее, а особо фанатичные люди стали строить алтари из деревянных столбов в его честь. Обычно, его изображали как нечто человекоподобное, с голым, вытянутым черепом, длинными лапами, покрытыми жёсткой бурой шерстью, и, что неприятно, парой рядов совсем небольших зубов. У меня он ассоциировался с каким-то озверевшим кентавром из сказок, хотя истории разнились о нём от человека к человеку. У кого-то череп был затянут кожей, у других рук было четыре, чтобы проще карабкаться по деревьям, третьи говорили, что егерь – новый вид разумной жизни, и что у них свои города в лесах. Помню, кто-то даже посеял байку, что егерь вообще не с Земли. Уменьшению количества этих историй поспособствовала группа ска-

утов, которые якобы убили егеря, показывали его тело с гордым видом, но всё ещё находились те, кто сомневался в подлинности головы: больно похоже на других лесных тварей. В общем, легенда о егере обросла столькими слухами, что и пересказывать бесполезно, но охотники договорились считать между собой, что егеря жив.

И сделали они так потому, что однажды ты всё-таки набредаешь на труп, раскиданный в радиусе десяти ярдов, и невольно встают дыбом волосы. Неужели егеря? Или кто хуже? Трудно представить нечто страшнее егеря, но мы ещё нескоро раскроем все загадки тех непроходимых лесов. И именно в такие моменты, сидя около лужи заледеневшей крови, хочется чаще озираться в сторону ближайшей рощицы. Как бы егеря не рисовали, а только все сошлись на двух вещах: его тяжело убить, а ещё тяжелее – сбежать от него.

Я не первый раз на охоте, и тут даже самые тупые догадались о том, что Новая История вместе с её новыми животными окончательно сошли с ума, отчего куда ни глянь, а смерть будет везде. Раньше вряд ли была такая борьба за выживание: одни нападали на других ради пропитания или для защиты своей территории, в то время как сегодня земля похожа на круглосуточную арену, где человек просто оказался в невыгодной позиции физически, но как всегда компенсирует это наличием разума. А ведь опоздай мы с развитием на пару десятков лет, и от нас и мокрого места не осталось бы!

– Подожди, – Кас схватил меня за ворот куртки, из-за чего я невольно дрогнул. – Смотри.

Кас указывал на небольшой бугор снега, выросший у нас на пути. Даже я помнил, что ему здесь не место, а уж ходивший по этой тропе не первый год Кас и вовсе готовил винтовку на случай драки.

– Обойдём его?

– Стоило бы, но не нравится мне, что он так нагло тут сел. Тропа рабочая, ещё утянет кого. У тебя оружие включено?

– Я и не выключал.

– Тебе что говорили про заряд? Ладно, об этом позже. Как же его... – Кас выхватил нож и отрезал переднюю ногу прыгуна.

– Умно.

– Целься, а не болтай. Готов?

– Готов

Нога, обрисовав дугу в воздухе, свалилась прямо на бугор. На долю секунды послышался звук рыхления земли, но показываться роевик не стал.

– Смотри-ка, хитрый попался, не суётся!

– Может ему того? Лазером?

– Разозлишь только, да и снег частично поглотит заряд, поверхностный щит не пробьёшь.

Тут надо думать...

Кас сел на корточки и облокотился на колени, не сводя глаз с роевика. Когда он думал, то всегда шевелил губами, морщился от собственных идей и замирал на полуслове, если приходило что-то дельное.

– Значит так, – Кас выпрямился и дал мне Энфилд. – Подержи-ка, а лучше положи куда-нибудь и готовься.

Не успел я заметить хорошее место для винтовки, как Кас снова вытащил нож, впрыгнул на роевика и топнул по нему. Куча снега неожиданно разверзлась, как будто её сдуло ветром, но он успел отпрыгнуть и кувыркнуться на землю. Почва слегка дрогнула и вот, быстро перебирая шестью штырьками-лапками, роевик нёсся на Каса, размахивая лапами, из которых и состоял прочный поверхностный щит, прикрывающий макушку с крошечными глазками.

– Чего стоишь? Пли давай!

Я выпустил два луча, заставивших роевика повернуться, увидеть, что противников у него двое, и снова сложиться в бронированный вид, в котором он начал идти на меня. Я неожиданно понял, что был не готов к такому и ждал смерти роевика после первых выстрелов.

– Не стой! Чему вас только там учат?!

Я мгновенно пришёл в себя и вовремя отскочил вбок от несущегося на меня чудовища, взвёл ствол и выстрелил ещё несколько раз, но уже не так метко: один из лучей лишь поцарапал ему ногу. Кас уже подбежал к винтовке и тоже начал всаживать в роевика патроны. Такой расклад его не устроил: он снова разложил щит, стараясь прикрыться спереди, но значительно замедляясь. Не сговариваясь, я пошёл обходить защиту, чего роевик только и ждал: он в один слабый рывок сократил расстояние и махнул одной половиной щита, стараясь размозжить мне голову. У него почти вышло, но я чудом увернулся, и удар проскользнул по ноге, что впрочем уже можно было счесть за удар лопатой. Острая боль пронзила всё ниже колена, я потерял равновесие и покатился по снегу, придавая себе же скорости, дабы уйти от второго его гребня. Но он неожиданно запищал, начал двигаться по кругу и хаотично махать своими конечностями, будто отмахиваясь от мух. Кас вилял на нём из стороны в сторону, обеими руками держась за торчащий из роевика нож. Наконец, до зверя дошло, откуда идёт боль, щит полетел группироваться, а Кас уже барахтался в снегу. Щит громко шлёпнул, и роевик распластался на земле: нож вошёл почти до половины туши.

Мы лежали так около минуты. Мне стало страшно нарушать тишину, прерываемую пением ветра, не хотелось двигаться. Казалось, что даже если я моргну, этот роевик встанет и добьёт нас обоих.

Потом, немного отряхнувшись, я попытался встать. Вышло с трудом: нога, по которой пришёлся удар, ужасно болела. Кас обошёл меня меньшей кровью, но всё это время тоже отдыхал в сугробе.

– Предупреждать надо, когда во фланг к роевику заходишь, – без эмоций сказал Кас, раскрывая труп в поисках ножа. – И ему нужно заметно больше выстрелов. Мозга у него в каком-то смысле нет, только особо крупные нервные пучки по всему телу, да что-то отдалённо напоминающее мозг под брюхом. А вот если пронзить ему... застрял, с-сука... А вот если продырявить кишки, – наконец на поверхность вышел нож, который полетел мыться в снег. – Вот тогда эта тварь и подохнет!

– Роевики – это не наша рабочая зона. Нас к ним мало готовили.

– А вот очень зря! Ладно, хорош оправдываться. Что с ногой?

– Ходить могу, кажется.

– Хорошо... Молодец. Грамотно отскочил. Прыгнул бы куда ещё, и не факт, что выжил. Здоровый какой, оказался. Видать, матёрый, раз на обманку не повёлся.

– А могли бы просто обойти.

– Кто знает, кого он поймать мог. Всё правильно сделали: ещё может жизнь кому спасти.

– Ага. И сами чуть не погибли.

– Не погибли же? А остальное – мелочи жизни. Живы сегодня, чтобы умереть завтра, так что давай не заставляй смерть нас дожидаться.

– Мы же его не потащим?

– Чего ради? Мяса нормального в нём мало, да и на вкус оно хуже любого другого. А щитки тяжёлые, и никому сейчас не сдались. Готов идти?

– Более-менее.

– Если будет тяжело, скажи сразу, остановимся ненадолго. Нечего из себя гордого строить, когда через полтора часа можно будет в Гринмане к врачу зайти.

– Как? У-уже?

– Ну, что есть, то есть. Мы мало останавливались, да и идём не под завязку забитые. И без того повезло найти эту парочку за день до лета.

Лето! А я уже и забыл, что завтра лето наступает. Конечно, погоды это особо не изменит, но всё равно в следующие три месяца воздух будет поприятнее, солнце ярче, а прыгуны и пятахвосты уйдут на север, размножаться. В это время больше лунатиков, охотники становятся рыбаками и начинается самое лучшее время. Этаким отпуском. Лета я жду каждый год как чего-то волшебного, Кас, казалось, тоже радовался возможности таскать патронов поменьше, сидеть у реки, думать о чём-то своём. Похоже, в независимости от ситуации в мире, лето всегда будет отличаться от других времён года.

Мне же оно нравилось тем, что можно ступать по снегу, не боясь кого-нибудь спугнуть.

Мысль о скором конце этой вылазки окрыляла и помогала забыть о ноющей боли в чуть посиневшей ноге. Всё-таки без похода в лазарет у меня опять не получилось, а как был близок! Мне вовсе не хотелось соваться в это чистое до ужаса помещение, потому что обычно туда идут сразу после вылазки, а значит в грязной одежде и таких же ботинках. И пусть заведующий врач никогда по этому поводу не возникал, тяжело было не краснеть от собственного запаха.

В городе, пока охотник отдыхал, его старались не трогать по пустякам. Жители знали риски и относились к нам заранее с уважением, пока держишь себя в рамках приличия. Как я скоро понял, Кас предпочитал тратить свободное время с коллегами в гильдии, когда у меня раз на раз не приходился. В прошлый раз я почти все дни проспал, набираясь сил, до этого старался найти что-нибудь интересное в библиотеке, а ещё раньше помогал на ферме-гидропонике. Можно сказать, я был из активистов и всячески старался помочь тем, с кем судьба заставила бороться за жизнь и будущее человечества. Иначе, впрочем, было никак: не работаешь – запряжём. Не хочешь – заставим! Благодаря этому даже самые ленивые работали наравне с другими, а то и больше. Если же кто-то смывался с добровольно-принудительных работ, то полиция охотно прочёсывала город в поисках преступника. Среди всех преступлений именно нежелание помочь городу входило в пятёрку тяжелейших, с чем лично я был даже согласен. Это в старохисторической эпохе человек мог не работать, стать нищим, упасть на дно общества, от него всё равно ничего не зависело. Сейчас же, в условиях изоляции городов и людей друг от друга, каждый работал и получал столько же, сколько и другой, а если хочешь большего – заслужи, став примером для подражания. Одно время совет рассматривал идею изгонять тех, кто не трудится на общее благо, но после истории с моим отцом голосов «за» стало заметно меньше. В итоге так и вышло, что любой теперь может встать на путь беззакония, играя в догонялки с полицейскими. Вряд ли, конечно, это может долго продолжаться...

Последняя часть пути проходила на закате, так что Кас только больше озирался по сторонам, а я не мог отвести взгляд от огней Гринмана, идущих из-за холма. Эта близость тянула меня ускорить шаг, побежать, полететь к воротам, дабы вдохнуть полной грудью тёплый воздух: наконец-то дом. Мне нравились поля, нравилось спать под открытым небом возле костра, я был в восторге от каждого выхода, тяжести винтовки на плечах, груза в рюкзаке, даже хмурое и уверенное лицо Каса вводило меня в какой-то охотничий транс, и я сливался с природой, становился её частью, готовой к любой её напасти. Я как будто уже знал все выходы Новой Истории, и пусть это было не так, она меня пугала намного меньше, чем сами люди. Пожалуй, они чаще меня выбивали из равновесия, чем все эти дикие существа. Люди не претерпели никаких изменений, не учитывая лунатиков. И поэтому мысль, что для уничтожения человечества нужно что-то по сильнее похолодания селила во мне странный трепет перед собственной расой.

За очередным холмом, наконец, показались старые стены Гринмана – каменный круг с прожекторами на вершинах. Это смешение эпох создавало лёгкий диссонанс, но всё-таки я посмотрел на Каса. Он еле заметно улыбался. Нас тоже заметили: фонари приветственно подмигнули, а ворота начали медленно раздвигаться, скрипя тяжёлыми механизмами.

– Как мило, – прошептал я.

– Знают, кто идёт. Последние, видать, возвращаемся. Опять все перед летом вернулись раньше обычного.

– Так ведь нечестно! Работу никто не отменял!

– Верно, но... – Кас мечтательно вздохнул. – Праздник ведь. Люди любят праздники, а ещё во время праздников работать не надо.

– Всё равно это неправильно.

– Каждый считает по-своему. Я бы и сам так делал, будь такая возможность.

– Разве что-то мешает?

– Да. Собственное чувство долга.

– Что, парни, доползли? – сверху на нас добродушно смотрел постовой с небольшой щетиной. – Как там дела на тропках?

– Сезон можно считать закрытым, – ответил Кас. – Роевики только борзеют! Встретили одного по пути.

– Это где?

– На границе с каменным лесом. Хитрый ещё такой попался, Сэму вон ногу отбил.

– Так, вы сначала зайдите, потом поговорим. У нас своих новостей хватает.

– Тогда жди, я сейчас разгрузюсь и поднимусь.

– Я сам! У меня смена скоро.

– Тогда давай сразу в таверну!

– Замётано.

На диалог Каса с его приятелем я уже особо не обращал внимания: глаза рыскали в поисках нужного адреса. Внутри города как всегда стояло царила своя особая атмосфера из-за работающего солнечного купола, волнение полей которого порой можно было заметить, если посмотреть вверх. Построенные заранее бетонные общежития смешивались с двухэтажными и трёхэтажными домиками, в которых уже везде горел свет, а на улице работали фонари. Людей было мало: многие разошлись по домам, а те, кто не был там, предпочитали другие места интереса. Мой же путь лежал до мясника. Нужно было сдать прыгуна с пятихвостом, отвезти сани и... Спать. Да, сегодня я хочу только спать!

– Кас! Ты идёшь?

– Давай сам. Завтра жду тебя в гильдии.

– Хорошо, – я заплутал по давно выученным улицам города до мясника, который молча стащил с саней груз, а потом потащился до гильдии охотников, сопряженной с академией – таким аналогом школы, но почти весь учебный план состоял из обучения будущему призванию. К этому вопросу здесь подходили придиричиво, из-за чего академию из двадцати поступивших в среднем заканчивало около четырёх. И дело не столько в сложности теории, сколько в вопросе закалки тела и духа. Морозы часто убивали неготовых к встрече с ними, а окружение, постоянно норовящее тебя сожрать, быстро превращало сознание в дырявое сито. Можно сказать, я был везунчиком.

В здании редко кто сидел в такое время, за исключением, скажем, наказанных. Но сегодня меня неожиданно встретил один из учителей, мистер Андерсон. Он преподавал теорию поведения существ, а с недавнего времени и лунатиков. Кас должен был быть благодарен ему за то, что я вовремя вспомнил о чуйке пятихвоста на кровь.

– Сэм! Давно вернулись? И где Кас?

– Здравствуйте, мистер Андерсон. Мы только пришли, Кас позже зайдёт. Есть новости в городе?

– Новости? – он отвёл взгляд в бок. – Да какие уж новости. Ну разве что... Пришёл тут недавно один тип, без оружия, сам прилизанный весь, будто нашёл староисторический справочник моды, и говорил, что срочно должен попасть к главе! Шуму он тут поднял, конечно, когда его скрутили.

– А за что скрутили?

– Как же? А вдруг рейдер? Или ещё кто? Ну уж нет, лучше перестраховаться, чем недо- волноваться. Сам я его не видел, но говорят, он ещё и двинутый. Якобы только две недели, как из бункера.

– Из бункера?

– Ага. Думаю, он здесь надолго не задержится. Пусть ещё где идиотов ищет.

– То есть, он сейчас в тюрьме?

– Естественно. А что? Знаешь его?

– Да нет, но посмотреть интересно. А заодно и послушать. Хороших сказок уж давно никто не рассказывал.

– И то верно! Ты снаряжение оставь, да и я уже пойду. Задержался что-то я сегодня.

Естественно, я сразу догадался, что новый сумасшедший – это тот человек, который при- шёл ночью. Странно только, что без оружия. Люди ночью и до зубов экипированные бояться вылезать, а тут... Интересно, это он такой везучий или всё же с ним не всё так просто? С дру- гой стороны, а кто ему мешал оставить оружие вне лагеря? Стоит посмотреть, если выпустят.

Но это завтра, а сейчас мне бы хоть до дома доплестись. Именно в городе становится отчётливо ясно, что ты устал до ужаса.

Путь от дома до академии занимает три минуты, но сегодня он растянулся на все семь. Глаза так и норовили закрыться, думать о событиях последних дней не хотелось, да и я не мог. Кое-как добравшись до заветной двери в жилом массиве, я вытащил ключ из внутреннего кар- мана, вошёл и, наконец, смог снять с себя вонючую одежду. Хотя тут большой вопрос, кто из нас двоих вонял больше. На секунду мне показалось, что идёт снег, но это лишь ощущение: под куполом настоящее лето, а не то, что ждало в угодьях.

Фактически, моя «квартира» состояла из большой комнаты, санузла и чего-то вроде при- хожей. Это был подарок всем выпускникам академии, как новой трудовой ячейке города. Раз- ница была лишь в том, что такие апартаменты получали люди без семьи, которым не требо- валось много. Какая ирония, что отца вышвырнули из города, а про мать я ничего не знаю, вроде, она ушла после моего рождения. Почему? Да егерь её знает. Но я был не в обиде: ушла, значит, есть куда... ну, или от кого.

Разделся я в темноте, открыл окно, чтобы впустить тёплый свежий воздух в комнату. Дальше я уже неосознанно плюхнулся в постель и мгновенно уснул. Мягкий матрас, воздух, не щиплющий ноздри, чувство полной безопасности и урчание купола быстро погружали в сон. Ну и хорошо. А то я бы и сам ушёл куда подальше, если такой пакет удовольствий оставлял лишь бессонницу.

День 2

Гринман был идеален во всём, кроме одной-единственной вещи. Конечно, на расстоянии дня этот недостаток сглаживался хорошей и иногда даже разнообразной едой, вполне дружеской обстановкой, повсеместной справедливостью, но с утра абсолютно каждый был готов сломать шею тому, кто запускал «всеобщий будильник» – горн с трубным звуком, который разрывал тишину, думается, на добрые полмили. Вскоре стало ясно, что будить жителей каждый день должен другой человек, чтобы точно не возникало ненависти к одному человеку и распределять её равномерно. Однако после завтрака народ стихал, как это и случается с толпой, в глазах значился лёгкий недосып, но и он стирался при выходе на улицу, где через граммофоны распространялись записи пения птиц. Хуже всего, конечно, приходилось работающим за городом. Охотники и скауты в городе отдыхали, но поднимали их по всеобщему расписанию.

Иначе было и нельзя. Пропустишь завтрак – голодаешь до обеда.

Касу в этом смысле можно было позавидовать: он каким-то образом плевал на горн и спал до обеда. Он просыпался, за пару минут приводил себя в достойный вид, шёл на обед, а после в гильдию или в таверну до глубокой ночи. Оттуда вытаскивались новые байки, пара новых вещей, выигранных у скаутов, а иногда и хорошее настроение.

Мой же план на этот день был прост: стоило зайти на барахолку в поисках моего заказа, сходить наконец-то в лазарет насчёт моей ноги, которая за ночь ещё и немного опухла, провести нового заключённого и посмотреть, что нового в гильдии. Они уже могли вывесить летнее расписание для охотников, и лишь жребий решал, кто пойдёт рыбачить первым. А там уже кто знает, чем день порадует: в городе, что удивительно, всегда хватает занятий.

На завтрак я собирался неспешно, давая первой волне пришедших съесть свою порцию и освободить пространство для более ленивых и медленных. Торопиться всё равно было некуда: на охотничьи столы никогда не ставили плохих порций, а чаще и лучшее. Да и нужно дать время, чтобы проснулись все скауты и барахолка слегка оживилась.

Пока охотники приносили с полей еду, скауты методично прочёсывали окрестности в поисках чего-нибудь интересенького. Нашли старый, еле сохранившийся диван? Поверьте, скауты его не только притащат с собой, но и найдут, кому его впарить. А может кто-то в лесу обронил совсем свежий, брутально надколотый череп? Почему бы не повесить его над дверью или не сделать из него дверной звонок, а когда надоест, переделать в подстаканник? Тащили всё, что не прибито к земле, нередко находили даже что-то полезнее обычного хлама: в прошлом месяце группа вскрыла под фундаментом чьё-то убежище, оставшееся с тех же времён, что и Гринман. Хозяин давно умер от старости, но его наследие до сих пор вытаскивают на свет. Это и почти работающий холодильник, и такого же состояния компьютер, просроченная еда, и другие вещи, в должных руках обретающих новую жизнь. На том же компьютере нашли архив фильмов на следующие несколько лет: считай, культурный артефакт. Я же третий месяц гоняю одного знакомого скаута в поисках пороха. Они иногда забредают в города, и есть шанс, что где-то этот порох даже производят.

Когда я пришёл в столовую, народу было уже совсем мало, что не могло меня не радовать. Покончив с порцией, куда входило жаркое из пятихвоста, ноги сами потащили меня ближе к центру города, на одну из площадей. Их в целом было две: одна для торжественных церемоний и праздников, другая для новинок Старой Истории. Здесь намного чаще собиралась давка и всё превращалось в балаган, но в целом это не затрудняло маневрирование между столами и поставившими их скаутами.

Как и ожидалось, вокруг статуи с памятником одному из создателей солнечного купола уже была куча народу, а шум отлично слышался на всю улицу. Скауты только и успевали, что обменивать свои вещи на чужие: может, кто-то смог сохранить немного еды на чёрный день,

или у кого-то было что-то с работы. Желающих посмотреть, пощупать, понюхать и поскорее опробовать всегда хватало, и сегодня их было даже больше, хотя судя по тому, как на столах было негусто, всё самое нужное уже вынесли.

– Одежда фирмы «Ад»! – пробасил скаут, поднимая в воздух лёгкую обувь с тремя посеребристыми от времени полосками. – Староисторический прикид для настоящих демонов! – такая одежда мне не казалась интересной. Да и не внушал доверия этот «ад», лежащий рядом со ржавым бензиновым генератором и какими-то дырявыми лопатками.

– Сэм! – более знакомый голос пробился через толпу. Это был безымянный для меня скаут-одногодка. Но многие его называли Слизнем.

– Привет! – я почти вслепую пробился к столику Слизня, ещё более скудному на всякую всячину. – Как оно?

– Не поверишь! Мы на допелеей нарвались! Тому чуть башню не отгрызли! – Слизень говорил это с таким видом, будто ему жутко нравилась эта новость. – Мы на северных равнинах уже обратно шли, а тут эти под видом людей нам на встречу...

– Ближе к делу. Нашёл?

Он сделал хитрое лицо.

– Да... Ты принёс? – я достал из кармана жало пятихвоста, размером с безымянный палец, на что Слизень чуть ли не облизнулся, протянул мне потную ладонь, а другой рукой зашарил в стоящем рядом с ним рюкзаке.

– Я, конечно, не уверен, но... – он поставил на стол серую непрозрачную бутылку. – Вот.

– Что это?

– Порох, как ты и просил?

– А рецепт?

– Ну извините, на севере никто рецепт не отдаст. Могу предложить только это.

– Ты поджечь пробовал? – я открыл крышку и заглянул внутрь. Внутри пересыпался чёрный порошок.

– Нет! Вдруг ещё руки оторвало бы. Ну, так что, берёшь?

– Беру, – я глубоко вздохнул. – Только на кой тебе это жало сдалось? Приход от яда поймать пытаешься?

– А можно? Я вообще хотел амулет сделать, а сам яд в еду добавлять, чтобы иммунитет выработать!

– Чего? Впрочем, не хочу знать. Удачи.

Я хотел было ему сказать, что пятихвост его скорее загрызёт, нежели отравит, но предпочёл молчать, чтобы вдруг цену не задрал. Только бы в следующий раз не потребовал щит роевика, чтобы крошить его в еду и вырабатывать иммунитет от ударов.

Спрятав порох в рюкзак, я пошёл в лазарет за повязкой и мазью из бритволиста. Если ухитриться перемолоть траву в кашу, то такая мазь будет иметь охлаждающий эффект и снимет боль. Скланку с ней обычно дают на выход, но в этот раз мы всё потратили: Кас подвернул ногу, пока пытался не выпустить прыгуна из западни. Да и сейчас, когда я зашёл, врач сразу обратил внимание на ногу и без лишних слов вытащил всё нужное. Обычное дело, когда люди приходят с полей с небольшими ушибами и прочим. Не задерживаясь, я ушёл в гильдию, но там не было ни Каса, ни расписания, да и вообще никого, поэтому я вспомнил про управление порядком, где и держали всех, кто этот порядок нарушал. Меня вполне могли не пустить туда, так как в перечне уважительных причин нет чего-то вроде «мне только одним глазком». Конечно, можно дождаться обеда и принести его, но, если честно, не настолько мне сдались эти рассказы, чтобы еду туда-сюда таскать.

Быстрые равнинные ветра приносили с собой облака, которыми вскоре покрылся весь небосклон, на улице немного потемнело, а по куполу, как на водной глади, пошли маленькие волны от первых падающих снежинок. Их становилось всё больше с каждой секундой, отчёт-

ливо слышалось, как нарастает напряжение от порывистого ветра, из-за чего появлялось желание закутаться в одежду. Небо всё темнело и темнело до тех пор, пока на улице не включили фонари. Вот тебе и первый день лета... Здание управления порядком почты врезалось мне в лоб, я вошёл и сразу взглянул на пост, в надежде на то, что он пустует.

– Чёрт... Извините, а можно мне пройти к заключённому?

Суховатая женщина лет сорока в строгой одежде сложила очки в почти рассыпавшийся от времени футляр, закрыла какую-то книгу и подняла на меня глаза с таким выражением, что я сразу понял, насколько этот диалог будет тяжёлым.

– Без причины не пушу, раньше думать надо было, – от её голоса ещё больше хотелось бросить свою затею и забиться под кровать.

– Ну... меня с кухни прислали. Спросить насчёт меню.

– Уже приходил один.

– Так я на ужин! – кажется, скорость, с которой я придумывал отговорки, заставляли её довериться.

– Вот будет ужин тогда и приходи!

– Когда ужин будет, я в другом месте помогать буду, и посылать будет некогда. На кухне ведь завал начинается. Из-за вас голодным останется!

– Ой... куртку оставляй здесь. Но больше никого не пушу, передай!

– Непременно, – сказал я, а сам подумал, что что-то быстро она сдалась, почти без сопротивления. Может, устала. Я снял с себя верхнюю одежду, подождал, пока эта псевдовахтёрша откроет дверь и пулей спустился к камерам.

– Сэм! Сэм-Сэм-Сэм! – первой встретила меня совсем другая, но ожидаемая физиономия. – Сэм! Ты когда вернулся?

– Вчера вечером. А ты, Сара, когда вернулась? – я непроизвольно заулыбался, отчего девушка чуть сконфузилась.

– Я уже неделю тут. И взяла-то всего ничего! Там такая пуговица была красивая, ты бы и сам её украл! Сэм, а может, замолвишь за меня?

– Прости, но мой лимит доверия на сегодня уже расписан до предела. Позже, дорогуша.

– Прекрати меня так называть!

– Кстати, а отец чего тебя не вытащит?

– Он не хочет... сказал, что я должна сама отвечать за свои поступки.

Сара казалась мне красивой. Овальное, слегка бледное лицо утопало в пышных, чуть растрёпанных рыжих волосах, которые ей очень шли. У неё были большие зелёные глаза, которые она забавно выпучивала, миниатюрный ротик, который ей как-то сбавлял пару лет на вид, и почти неприметный румянец на щеках. В повседневное время мы особо не общались, но стоило ей вляпаться, как оказывалось, что я её лучший друг и вообще, одногодки должны спасать друг друга. А ведь я даже не был уверен, что мы с ней родились в один год.

– Ладно, Сар, я не к тебе приходил. Но рад был поболтать.

– А-а, так и ты к этому...

Всё же моё чутьё не подвело. Это правда был ночной посетитель, но только сейчас он выглядел чуть меньше, будто скукожился.

– Что, тоже пришёл посмеяться? – спросил он, не поднимая взгляд с пола.

– Как ты добрался до Гринмана? – он поднял глаза и будто бы слегка улыбнулся.

– А, так это ты. Ну, как... по твоей наводке и добрался. Кстати, очень выручил, спасибо. Жаль, местные не жалуют.

– Так естественно! Такой бред несёшь! – вставила Сара, на что он лишь оскалился.

– Ты без оружия дошёл?

– Я ведь тебе показывал оружие.

– Это не могло бы им.

- Ты так считаешь? Очень жаль. Это и вправду было оно.
- У него ничего при себе не было, я слышала, – опять встала Сара.
- Ты можешь заткнуться хоть на минуту?!
- Ой, нашёлся командор подземных войск! – Сара явно обиделась. – Чё ты сюда припёрся, если весь такой «с важной миссией»?
- Не твоих куриных мозгов дело!
- Чьих?!
- Точно, ты ведь даже не знаешь, как выглядит курица!
- Важная миссия? – у меня начала голова лопаться от их крика. – О чём она?
- Ты всё равно ему не поверишь! Он минут двадцать мне рассказывал, но эффекта нет, а я вообще-то впечатлительная.
- Согласен с ней. Ты, Сэм, хороший парень, но я не думаю, что ты мне поверишь. Да и я уже устал рассказывать всё в подробностях.
- Не попробуешь – не узнаешь.
- Давай я хоть для начала представлюсь, а то не было как-то возможности. Меня зовут Джон, и я сотрудник внешней разведки закрытого жилого бункера «Манчестер». А нужно мне попасть в военно-исследовательский комплекс «Люксембург», потому что они уже месяц не выходят на связь. Оружия ты при мне не нашёл потому, что не предполагалось, что я встречу сопротивление со стороны местного населения, а от животных у меня свои методы маскировки. На данный момент это всё, что я могу и хочу рассказывать.
- Ну, хоть не так долго! – вклинулась Сара. – Ладно, если ты весь такой у нас из бункера, то ты наверняка знаешь, где мы сейчас, да?
- В смысле?
- В смысле зачем нужен солнечный купол, если вы всё равно полезли под землю?
- Идея создания тепловых зон на поверхности была экспериментом, а люди, приписанные к ним – подопытными. Это большая удача, что купол исправно работает столько лет.
- Отлично! Значит, мы, если тебе верить – поколение, выросшее из подопытных?
- Мне правда жаль, что всё так вышло, но у меня нет времени. Мне нужно выбраться отсюда как можно скорей.
- Зачем? – спросил я.
- Я не хочу терять время. Пойми, в Люксембурге искали способы восстановить температурный уровень, и если там что-то случилось, дальнейшее состояние планеты под вопросом. Или ты думаешь, нас наружу по всяким пустякам выпускают?
- А зачем тебе тогда нужно было в город?
- Я хотел найти опытного проводника на юг. Сам я боялся заплутать, да и в группе безопаснее, сам знаешь.
- Как и знаю то, что на юге чаща, через которую ещё никто не проходил.
- И что с того? Вам был резон проходить её? Я так не думаю. Это не так сложно, как вам кажется.
- Неужели?
- Ладно, давай так: мне нужно уйти из города, и я думаю, что ты можешь мне помочь с этим.
- У-у-у, побег! Тебе это не простят так просто, Сэм.
- Верно, зачем мне рисковать своей репутацией?
- Может, от этого зависит, увидишь ли ты землю такой, какой она была до нашего рождения. Не на картинках, а вживую! Разве никто этого не хочет?
- Эй, ты чего там копаешься? Меню на месяц берёшь?
- Меню? – Сара ухмыльнулась. – Ох, Сэм, криминалом пахнет. Может, со мной начнёшь промышлять?

- Пожалуй, откажусь... мне надо идти.
- Подумай, Сэм. Я буду перед тобой в долгу.

– Посмотрим, – на самом деле, смотреть я не собирался. История хорошая, местами даже почти похожа на правду, но довод про опыты, купол и прочие были ни к месту. Да и уверения Джона о том, что он безоружен, не кажутся мне правдивыми. Но это хотя бы можно проверить!

Я быстрым шагом направился домой, куда закинул банку с предположительным порохом, взял куртку потеплее и пошёл к воротам, попутно ещё раз прогоняя историю Джона. Удивительно, что его байка, в отличие от прочих, выглядела более детально, сцепленной между собой и... сносной, пожалуй?

Как-то незаметно передо мной выросли ворота вместе с охранником, причём привратник был тот же, что и вчера, разве что он выглядел задумчиво, а туманный взгляд уходил куда-то за горизонт. В правильную сторону смотрит: туда мне и дорога.

- А можно выйти? – у меня снова по лицу поползла улыбка.
- А? Нельзя! До следующей смены никого не выпускать, начальство приказало.
- Так я ведь на двадцать минут, не больше.
- Да хоть на одну! Всё равно нельзя, пока ситуация не разрешится.
- Какая ситуация?
- Так, Сэм, иди отсюда, не мешай.

Подобная конспирация настораживала ещё больше. Конечно, нас старались не выпускать из города без крайней нужды и должной подготовки, но ведь я имел как минимум один из пунктов! Подобная паранойя кажется по меньшей мере подозрительной, если уж не странной, что, впрочем, не мешало мне попытаться выйти чуть позже. Хотя, если опять не выпустят, выбора у меня особо и не останется: либо поверить Джону на слово, либо выкинуть эту идею из головы до лучших времён.

Да, только как её можно выкинуть, если это может стать подтверждением или опровержением истории! Оружие, сделанное где-то в округе, я уж точно узнаю, а если там действительно нечто непонятное, то кто знает, вдруг он и правда вышел из своего этого Манчестера? Кто вообще придумал такое бредовое название!

Ещё немного потоптавшись возле ворот и поняв, насколько серьезен привратник в своих намерениях никого не пропустить, я переулками добрался до дома и вошёл, заперев дверь на ключ.

Баночка так и стояла в прихожей, где я её и оставил. Найдя особо ненужный мне кусок неизвестно чего в качестве подложки, я высыпал на неё небольшую горку чего-то отдаленно напоминающего металлическую стружку, только более круглую и принявшую хоть какую-то форму, а затем, скорее по незнанию поджёг даренным от отца огнивом, которое он домнашел где-то на вылазке. Сначала эффекта совсем не было, но чуть позже порошок зашипел, задымился, заискрился и через пару секунд потух, испуская едковатый, черный дым.

– Порох! – возглас произвольно вырвался из меня и я продолжил эксперименты, используя более сильные источники огня. Поджёг свечу и поднёс обратно, и снова тот же результат! Только почему он так неохотно горит и так недолго? Где-то тут всё равно есть подвох, точно! Может, он разбавленный?

Но нет, весь порошок оказался совершенно однородным, на ощупь и не поймёшь, есть ли тут какие-то примеси, или это всё и есть порох. А может, он так и работает? Надо будет спросить об этом Каса.

Пока я веселился с черным порошком, под потолком уже собрался дым. Надеюсь, что жилище не провоняет им, но что точно можно сказать, так это то, что результат меня порадовал!

На улице вечерело. Неожиданно я понял, что пропустил ужин, глаза всё больше напрягались, чтобы разглядеть что-либо в потёмках, а подложка успела закоптиться. В дверь кто-то дотошно стучал.

– Сэм! – открыв, я увидел Каса с двумя винтовками на плечах. – Ты что, тут весь день сидишь? Погоди... Что это за запах?

– Мне срочно нужно тебе кое-что показать! Проходи! – Кас никогда не входил в ,а предпочитал оставаться в дверях, из-за чего сейчас он нехотя пришаркивал по полу. – Заодно и скажешь, прав ли я.

Пройдя в комнату, у Каса на секунду загорелись глаза. Но после этого, к моему удивлению, лицо его снова приняло скептический вид и он сухо отметил:

– Сэм, срок годности пороха около трёх лет, он уже семьдесят раз просрочен.

– Нет, это не староисторический. Его сделали в наше время.

– Дай-ка бумажку, – он сам нашел на первой полке кусок бумаги в клетку, сложил его, образовал жёлоб и засыпал туда немного пороха. Затем он взял уже догорающую свечу, поджёт порошок и засчитал время.

– Это... Хм. Похоже на дымный порох, конечно, но судя по времени горения, он больше похож на пистолетный. Дай мне, наверно, его. Посмотрим, что с ним можно сделать.

– То есть это порох?

– Если бы он им ни был, то и не горел бы. Он ещё влажный слегка. Надо его высушить как следует и потом ещё посмотреть. Может, и хороший. Я ведь тоже не специалист. Я к тебе по какому делу-то, – он передал мне винтовку. – Держи.

– Что, уже?

– Нет. Андерсона нашли. Его лунатик погрыз.

– Куда это он выходил вчера за стены?

– В том-то и дело, что его в городе убили.

– То есть?!

– То есть возможно, что прямо сейчас где-то в городе отсиживается лунатик, и даже не факт, что один.

– Так а как они перебрались через стены? Не заборчик же, не перелезть!

– Не знаю, может, подкопался. Или дыра где-нибудь есть, перелез все-таки, в конце концов. С этим разбирается охрана города, а ты просто постарайся не выходить никуда ночью и сидеть тихо, как и умеешь.

– Я ведь могу...

– Знаю, что можешь. Только можешь ты в поле, а в городе вообще мало кто может драться с лунатиком. Это их стихия, их охотничьи угодья, и их дом. Потому сделай мне одолжение и не суйся на вражескую территорию в то время, когда он сильнее всего. Не опозорь себя, Сэм. – Кас вышел, не дав мне ничего сказать в ответ. Иногда это ужасно раздражало.

Однако делать было нечего. Я включил аккумулятор, погасил свет и сел возле окна. Улицы уже были пустыми, в других окнах тоже всё стемнело, но зато фонари светили будто ярче обычного. Но действительно стало неуютно тогда, когда по крышам забродили прожекторы: впервые, когда они светили не за городскими стенами, а внутри них. Лёгкое чувство голода подбивало быстро дойти до тумбочки и взять свой неприкосновенный запас, но ноги не слушались. Я буквально врос в пол, превратившись в часового, неспособного двигаться ни то от страха, ни то от ещё неизведанного мной желания защитить не столько себя, сколько других. И плевать, что две трети людей я даже не каждый день вижу, три четверти я не знаю, а на большинство знакомых мне ещё и наплевать. Если Кас дал мне винтовку, значит я должен сделать всё, что в моих силах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.